

PHILOPOEMEN'S REFORM OF ACHAEAN CAVALRY

A.K. Nefedkin

The paper presents an analysis of the reform of Achaean cavalry by hipparch Philopoemen in 210/219 BC as described Polybius (10. 23) and Plutach (Philop. 7. 4–6). The main purpose is to explain training and manoeuvres of the cavalry described in Polybius' text. Philopoemen reformed the training practice and probably armaments of his cavalry according to the Macedonian pattern.

© 2012 г.

С. Ю. Сапрыкин, В. Н. Парфенов

ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ ЭΝКОΜΙΑ ΙΖ ΠΑΝΤΙΚΑΠΕΥ: ДОМИЦИАН ИЛИ КОММОД?

*(К вопросу о датировке и интерпретации надписи
боспорского полководца)¹*

Статья является откликом на публикацию Г. Бауэрсока и К. Джоунса в журнале «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik» (№ 156, 2006, S. 117–128) – на их интерпретации и комментарии пантикапейского энкомия не известного по имени боспорского государственного и военного деятеля римской эпохи. В противовес точке зрения американских исследователей, которые относят надпись ко времени царя Савромата II, т.е. к концу II в. н.э., авторы статьи приводят новые аргументы в пользу датирования документа временем после смерти императора Домициана – правлением Савромата I. Кроме того, в статье приводится новое чтение некоторых строчек надписи по сохранившимся остаткам букв, не замеченным ранее, при первой ее публикации.

Ключевые слова: энкомий, аланы, Римская империя, Боспорское царство, Савромат I, император Домициан, император Коммод, тавры, скифы, Херсонес Таврический, хиляарх, Пантикапей, псеханы.

В 1985 г. на территории одного из некрополей Пантикапея (ныне железнодорожная станция Керчь-2) при прокладке траншеи была найдена сильно поврежденная мраморная плита с текстом греческой надписи, в которой сохранилось 47 строк. Место находки было обследовано научным сотрудником Кер-

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Парфёнов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры культуры Саратовского технического университета.

¹ Некоторые положения этой статьи были изложены в докладе В.Н. Парфенова на X Железёвских чтениях в СПбГУ 30 октября 2008 г.

ченского музея С.А. Шестаковым, который не обнаружил ни других фрагментов, ни следов культурного слоя. Затем надписью начал заниматься Ю.Г. Виноградов. Он представил краткую информацию о ней и реконструировал ее текст², однако не успел подготовить полномасштабную научную публикацию этого замечательного исторического источника. С.Ю. Сапрыкин тогда же опубликовал³ комментарий к этой надписи и воспроизвел ее в том виде, в каком она была восстановлена Ю.Г. Виноградовым, но с некоторыми поправками. Оба исследователя пришли к выводу, что плита представляет собой уцелевший фрагмент большого надгробного памятника с погребальной надписью, в которой подробно перечисляются заслуги похороненного с большими почестями крупного военного и политического деятеля Боспорского царства, бывшего в свое время воспитателем царя Савромата (в тексте надписи чествуемый сравнивается с кентавром Хироном, воспитавшим Ахилла). Его имя, к сожалению, не сохранилось. По своему характеру надпись представляет собой энкомий (εγκώμιον), точнее *laudatio funebris*, изобилующий пышными выражениями. Это могла быть речь, произнесенная на похоронах, и поэтому она выдержана в «азианском» стиле красноречия.

Пантикапейский энкомий представляет собой важный источник по военно-политической истории Боспорского царства, его взаимоотношениям с ближними и дальними соседями, включая Римскую империю. Неудивительно, что его публикация вызвала большой интерес в нашей стране и за рубежом: отклики появились буквально по горячим следам. В отечественной науке первым откликнулся А.Я. Тыжов: в статье, написанной по-латыни, он уточнил ряд дополнений в тексте энкомия, используя аналогии из произведений античных авторов. В стк. 2 в выражении [...ἀπὸ τῶν ἰππέων ἐλείφθη...] он предполагает более справедливым восстанавливать предлог ὑπὸ или πρός; в стк. 3 предлагает заменить [...κατακόπτ]ων на [...διακόπτ]ων; в стк. 12 заменил глагол [ψυχαῶ]γεῖ на [δημαῶ]γεῖ; в сткк. 12–13 считает возможным читать: ...βασαν[ίξει τὸν ἄνθρωπον ὥστε οὗτος] ὀφθῆναι...; сткк. 17–18 реконструирует как ο[ὗτος δὲ τὰ μέλλοντα προ]ιδὼν ὑπέστρεψεν, а стк. 19 – как πίστ[εις τε θεῶν καὶ τὰ ὄρκια...]⁴. Предложения А.Я. Тыжова, включая и более мелкие поправки, интересны и вполне приемлемы, но они касаются в основном дополнений утраченного текста, без конкретного обращения к остаткам букв на камне и не затрагивают проблему датировки и интерпретации надписи.

Определяющим и для установления даты документа и его интерпретации являются упоминания в тексте царя Савромата и римского императора, который, узнав о важных событиях в Боспорском царстве, предписал чествуемому прибыть к нему для подробного доклада, что и было сделано. Имя императора не указано, автор надписи ограничился лаконичной формулой Καῖσαρ ὁ τότε – «тогдашний Цезарь». Именно это привело к мысли, что анонимность императора следует объяснять *damnatio memoriae* и, таким образом, Καῖσαρ ὁ τότε – это Домициан, имя которого после его гибели было запрещено упоминать в официальных документах (Suet. Dom. 23). Следовательно, «керченский камень», как назвали эту надпись за рубежом, должен датироваться периодом с 96 по 123/4 г. н.э. *Terminus post quem* здесь – убийство и *damnatio memoriae* Домициана (18 сентября 96 г. н.э.), тогда как *terminus ante quem* – конец правления Савромата I, который в момент установки

² Виноградов, Шестаков 2005, 42–44.

³ Сапрыкин 2005, 45–81.

⁴ Tischow 2005, 275–279.

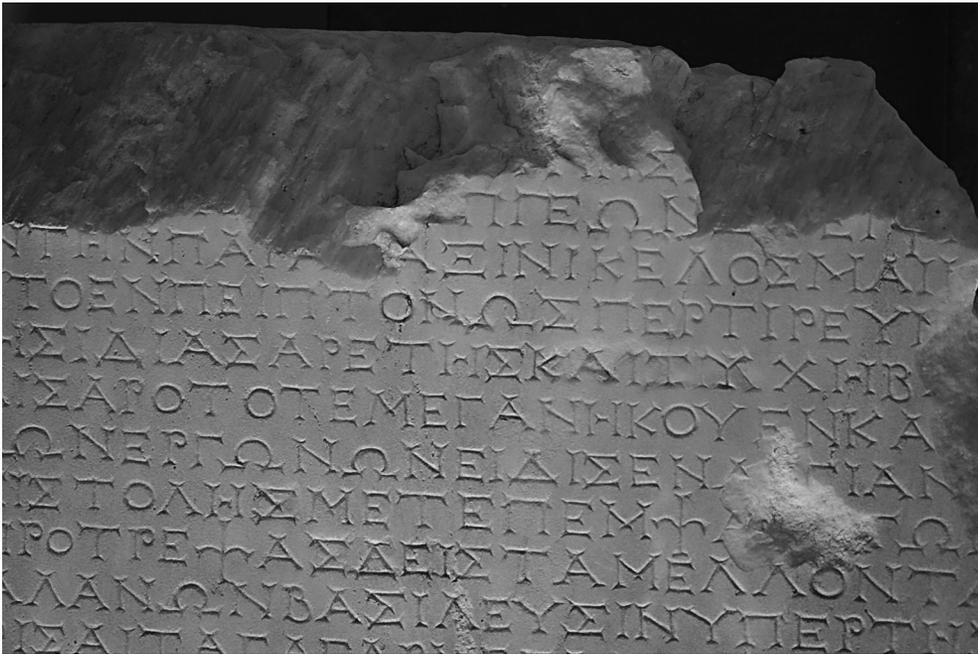

Рис. 1. Верхняя часть мраморной плиты с текстом энкомия (фото Р. Бэгналла, США)

памятника был еще действующим правителем: в тексте он назван ὁ ἴδν δεσπότης βασιλεύς (стк. 14).

Однако в 2006 г. Х. Хайнен со ссылкой на тогда еще не опубликованную статью Г. Бауэрсока и К. Джоунса указал, что имеются основания для датировки энкомия временем Савромата II (173/174–210/211 гг. н.э.)⁵. В том же году статья американских исследователей вышла в свет; ее авторы поставили целью познакомить читателей, не владеющих русским языком, с этим важным документом, и высказали некоторые соображения по поводу его содержания⁶. Они полагают, что датировка монумента временем Савромата I – не единственно возможный вариант. Ко времени не ранее первого десятилетия III в. н.э. относят надпись вслед за Бауэрсоком, Джоунсом и Хайненом и некоторые отечественные исследователи⁷. Остановимся подробно на аргументации уважаемых коллег.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс согласны с восстановлением Ю.Г. Виноградовым в стк. 1 причастия ...π[ε]νήσα[ς]..., указывая на то, что по опубликованной фотографии надписи ничего разобрать невозможно. Они предположили, что с тех пор, как Виноградов видел камень, его верхняя часть исчезла. Однако нам известно, что эпиграфист работал только с той частью плиты, которая сохранилась до наших дней в том виде, в каком она запечатлена на фотографии. Верхняя часть камня была повреждена при выемке, и свежие сколы не позволили убедительно восстановить утраченный текст. В 2009 г. Г. Бауэрсок любезно предоставил С.Ю. Сапрыкину новые фотографии плиты с текстом энкомия, которые были сделаны в Керчи Р. Бэгналлом (рис. 1–2). Тогда же он познакомил его с письмом А. Ханиотису,

⁵ Heinen 2006, 48 f.

⁶ Bowersock, Jones 2006, 117–128; cf. Bull. épigr. 2007, 413.

⁷ Ср. точку зрения А.И. Иванчика и В.А. Горончаровского (Горончаровский 2010, 291).

Рис. 2. Верхняя часть и середина плиты с текстом энкомия (фото Р. Бэгнолла)

написанным им совместно с К. Джоунсом в связи с публикацией надписи в SEG. В нем они обращают его внимание на ряд собственных наблюдений и поправок к тексту, сделанных на основании этих исключительно четких фотографий. Там, в частности, указывается, что «...в стк. 1 с левой стороны должно было быть около 21–22 букв, при этом буква Σ читается совершенно четко. Слева от нее сохранились следы двух букв. Помимо *сигмы* слева заметны нижние окончания двух вертикальных гаст, которые могли принадлежать либо Π либо Η, что вероятнее всего. Правее следы нижних окончаний Α или Λ».

Изучив по фотографии Р. Бэгнолла указанную строчку энкомия (рис. 1), мы пришли к выводу, что восстановление здесь слова ...π]εῖνῆσα [ς... правильное (возможное ...επ]ῆ νησι[άρχου...] вряд ли будет верным прочтением сохранившихся остатков слова, ибо в боспорской эпитафике засвидетельствована только должность ἐπὶ νησάρχη⁸ с диттографией, а следующая за *сигмой* буква, судя по окончанию левой гасты, очевидная Α). Глагол πεινάω означает «голодать, быть голодным, страстно хотеть, жаждать», а в определенном контексте «нуждаться в чем-либо» (LSJ s.v.; ср. Xen. Cyn. VII. 5. 50: μετὰ τοῦτο Ὑρκάνιοι μὲν πρῶτοι φίλοι ἡμῖν ἐγένοντο καὶ μάλα πεινῶσι συμμάχων – «но тут гирканцы первыми сделались нашими друзьями как раз тогда, когда мы крайне нуждались в союзниках»). Возможно, что в данной строке говорилось о чествуемом, который очень желал получить союзников в связи с предстоявшей битвой с аланами.

В таком случае совсем иначе следует воспринимать остатки стк. 2. Г. Бауэрсон и К. Джоунс в своей статье по этому поводу пишут: «...по фотографии видны только следы начальной буквы (вероятно *йоты*) и затем буквы ΠΠΕΩΝ со второй

⁸ Кузнецов 2007, 230.

ни в лигатуре с *эпсилон*. Тщательно изложенное объяснение Сапрыкина, согласно которому чествуемый был лишен кавалерии в разгар сражения, представляется сделанным не к месту» (с. 120). В письме Ханиотису они отмечают следующее: «...после *ιπλέων* заметна прямая линия снизу, очевидно, от буквы *эпсилон*, *дельты* или *сигмы*. Затем пространство для одной или двух букв, после которого вполне вероятно дополнение ЕИФ. Это означает, что чтение Виноградова *ἐλείφ[θη]*... может быть правильным».

Следует согласиться с уважаемыми оппонентами: предложенное одним из нас объяснение данной строки действительно было «не к месту». Тщательное изучение сохранившихся остатков букв показало, что слева от отчетливо читаемого ПΠΕΩΝ имеется скол, а еще чуть левее видны нижние окончания двух букв: остатки вертикальной правой гасты Π, Μ или Ν, быть может, апицированное завершение Ι, Υ или Τ, а слева от него черточка, образующая угол с дугообразной линией, что очень напоминает левую горизонтальную гасту Ω. В таком случае в этом месте с некоторой долей вероятности можно прочесть ΤΩ, а лакуну между ними и окончанием слова на ПΠΕΩΝ следует заполнить пятью-шестью буквами. Это дает возможность читать строку как ...]τῶ[v 'Αγρι]πλέων или ...]τῶ[v Горυ]πλέων, после чего заметны остатки Δ (Ε или Σ здесь невозможны, их написание, особенно нижней гасты, совершенно иное, нежели то, что видно на камне; для *дельты* нижняя гаста вполне подходит, если сравнить с аналогичной буквой в других строчках). Затем следует скол, в который умещаются одна-две буквы, а сразу вслед за ним отчетливо читается ЕИФ (последняя буква сохранилась наполовину – это либо Ψ, либо Φ). Ю.Г. Виноградов реконструировал в этом месте *ἐλείφ[θη]*..., однако не обратил внимания на то, что после сохранившейся вертикальной гасты от чуть выходящей за пределы строки Φ или Ψ на камне отчетливо заметна нижняя часть апицированной вертикальной гасты. Это могли быть остатки букв Τ, Ι или Υ, может быть, левая гаста от букв Η, Ν, Κ, Μ, но в любом случае восстановление здесь Θ невозможно (см. рис. 1–2). Мы предлагаем такую реконструкцию первых двух строчек надписи:

[.....μάλα πε]ιγῆσα [ς συμμαχων?.....]
 [.....ἀπὸ τῶ[v 'Αγρι?]πλέων δ [ι]εῖφ' ἡ[.....]

Перевод: «(...он, крайне) нуждаясь (в союзниках... получив их... от?) агриппейцев (вариант: Горυ]πλέων, т.е. горгиппейцев), повел (...))».

В этой фразе логическое ударение и смысл приходятся на глагол *διέπω* – «вести», «направлять», который поставлен в достаточно редкой форме *δ[ι]εῖφ'*, т.е. в *imperfectum ind. act.* *διεῖπε > διεῖφε > διεῖφ'* по типу *ἔπω > εῖπε > εῖφ'* перед последующей гласной с густым придыханием. Поэтому мы предположительно предлагаем дополнить здесь *ἡ[μερῶν ὀλίγων]* – «в течение нескольких дней». О возможности восстановления в стк. 2 этника «агриппейцы» или «горгиппейцы» мы высказывались и раньше, поскольку события, о которых повествует энкомий, происходили на азиатской стороне Керченского пролива. Участие в них расположенных тогда там крупных боспорских городов Фанагории (Агриппии) или Горгиппии, которым угрожали аланские вторжения, представляется вполне реальным⁹.

⁹ Сапрыкин 2005, 49. Такое дополнение, впрочем, остается всего лишь предположением ввиду сильной испорченности текста, поэтому и чтение [...ι]πλέων, предложенное Ю.Г. Виноградовым, остается в силе.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс сначала полагали, что в конце стк. 3 следует читать MAN, а не MAIN, как у Ю.Г. Виноградова, однако в письме к Ханиогтису признали, что все же после MA стоит *йота*, а букву *ню* следует дополнять предположительно, так как от нее осталась только одна гаста. Так что причастие $\mu\alpha\upsilon[\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega]$ представляется в данном случае уместным.

О сткк. 5–6 американские исследователи пишут буквально следующее: «... в словах после упоминания “прежнего Цезаря” $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\nu$ ἤκουεν KA... винительный падеж мужского рода должен представлять собой прямое дополнение после ἤκουεν или часть косвенной речи. Сапрыкин понимает это как “услышал о великом деянии”, но это не согласуется с мужским родом дополнения, по крайней мере, $\pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha$ или $\epsilon\acute{\rho}\rho\omega\nu$ при этом необходимы как дополнение. Хайнен в предположительной форме предложил, что KA в конце строки 6 может быть именем чествуемого, например Калликрат» (с. 121). Мы вынуждены признать, что $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\nu$ действительно является прямым дополнением и относится, вероятнее всего, к самому чествуемому, которого считали «великим» за совершенные деяния (ср. сткк. 20, 43). Поэтому данную фразу следует понимать как «и тогдашний цезарь, находясь... великого услышал и...». Однако предложение Хайнена неприемлемо: в энкомии имя чествуемого не названо, оно скорее всего фигурировало в начале надписи. Довольно часто греки в повествовательных надписях не повторяли ранее упоминавшееся в первых строках имя человека, заменяя его по обыкновению местоимением «он» или подразумевая его в повествовании о деяниях и заслугах. Личное имя могло появиться еще раз в конце текста надписи, где приводилось государственное решение о назначении почестей (см., например, ольвийскую надпись в честь Никирата, сына Папия (IOSPE P². 34), херсонесскую надпись в честь неизвестного гражданина (IOSPE P². 355) и многочисленные проксении римской эпохи). Так что конъектура $\kappa\alpha\iota$... в данном месте вполне уместна.

В сткк. 6/7 Г. Бауэрсок и К. Джоунс вместо слова $\alpha[\iota] \tau\acute{\iota}\alpha\nu$ предлагают $\acute{\alpha}[\rho]\gamma\acute{\iota}\alpha\nu$, объясняя эту замену тем, что «по фотографии там слишком мало места для *йоты* перед приписанной *тау*, да и сама *тау* нечеткая». Такое чтение, по их мнению, предполагает обращение к каким-то «другим военачальникам, возможно, римским, которые были менее энергичными, нежели чествуемый» (с. 121). Не думаем, что боспорский официоз мог в то время столь нелестно отзываться о римских военных, обвиняя их в «бездействии» (пусть даже это было якобы вложено в уста римского императора). К тому же это не соответствует тому, что известно о римских войсках на Боспоре. В.М. Зубарь связывал их пребывание в Восточном Крыму с так называемой Боспорской войной, когда Савромат II, победив в 193 г. н.э. сираков, присоединил Таврику «по договору» (CIRB 1237). Зубарь опирался на надпись из Преслава, согласно которой в этой войне участвовали подразделения I Итальянского легиона¹⁰. Однако такая датировка «Боспорской войны» оспаривается, ее относят к первой декаде III в. н.э., уже после гражданских войн в Риме¹¹. К тому же нет никаких данных о том, что римские военнослужащие прибыли в Восточный Крым незадолго до 193 г. н.э. Ведь римляне могли действовать совместно с боспорцами, наступая на варваров из Юго-Западного Крыма, где стояли их войска, не вступая, таким образом, в пределы Боспорского царства. Римских войск на Боспоре после Клавдия не было по крайней мере до последней декады

¹⁰ Зубарь 1998, 108, 109; 2003, 198.

¹¹ Сарновски 2005, 242–244.

II в. н.э., а скорее всего, до прихода к власти Северов (см. CIRB 691,726)¹². Предложенное американскими исследователями чтение невозможно еще и потому, что на камне достаточно места для *йоты*, а *tau* вполне вписывается в лауну.

Наши оппоненты указывают, что в сткк. 8/9 подлежащее «цезарь», который письмом пригласил чествуемого к себе (т.е. «к цезарю»), как полагали Виноградов и Сапрыкин), «выглядит слишком натянутым» (с. 121). Вполне возможно, но подобная ситуация не может быть признана нереальной, ибо цезарь не назван по имени и сам текст надписи написан от третьего лица. Мы, впрочем, не исключаем, что под подлежащим в этой фразе имеется в виду боспорский царь, который пригласил чествуемого полководца к цезарю, прислав ему по этому поводу послание, как было принято в то время. Ведь римский император, согласно протоколу, должен был обратиться непосредственно к боспорскому царю, а не к его подданному (хотя последнее не является невероятным, ср., например, CIRB 58 – почетную боспорскую надпись 249 г. н.э. в честь Аврелия Родона, сына Лоллея, наместника царской резиденции, хилиарха, римского всадника, «известного августам»).

Г. Бауэрсок и К. Джоунс не принимают также трактовку сткк. 10/11: καὶ τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν ὑτέρ τῆς [αἰτίας ζημίαν δικαίαν? ἤξί]ωσεν ὀρίσαι – «и царям аланов за (вину их?) счел нужным определить (справедливое наказание?)». Они считают, что «...предлог ὑτέρ едва ли может иметь такое значение», а смысл всей фразы был таким: «он согласился принять решение относительно царей аланов, касающееся...» (с. 121, 122). Предлог ὑτέρ + gen. может переводиться и как «вследствие», «за», «из-за», и как «о», «на счет» (LSJ, s.v.). При всех вариантах перевода решение императора касалось царей аланов по причине каких-то действий с их стороны, с точки зрения римлян неправомерных. Уважаемые коллеги справедливо отмечают (с. 122), что впервые аланы появляются в греческих и римских источниках в I в. н.э., но далее указывают, что «в I и раннем II в. н.э. они, согласно нашим источникам, еще не продвинулись западнее Северного Кавказа. Они только один раз появляются в эпиграфике Боспорского царства – в начале III в. н.э. (CIRB 1053: «Герак, сын Понтика, главный переводчик аланов»).

До появления энкомия аланы в боспорских надписях действительно были засвидетельствованы только в начале III в. н.э., но это не значит, что боспорцы не сталкивались с ними раньше. В 60-е годы нашей эры отдельные аланские племена появлялись в районе Дуная (Sen. Thyestes. 630), а в конце третьей четверти I в. н.э., согласно источникам Плиния Старшего, аланы обитали уже к северу от Дуная по соседству с роксоланами, которые раньше всех других сарматских племен появились в междуречье Дона и Днепра (Plin. IV. 80). В середине – второй половине I в. н.э. в Прикубанье, на Нижнем Дону и в степях между Доном и Днепром произошли серьезные изменения, вызванные передвижением различных кочевых племен сарматов. Новая этнополитическая ситуация отразилась на характере погребений в центральнокавказском регионе, Нижнем Подонье и Прикубанье. После походов прикубанских сарматов 72 г. н.э. в Закавказье на Кубани начинает складываться новый аланский многоплеменный союз, куда вошли сираки, меоты, носители подбойно-катакомбного обряда захоронения из степей Предкавказья, более мелкие северокавказские племена, пришельцы из Поволжья и Средней Азии (возможно, часть верхних аорсов). Территория этого союза охватывала Прикубанье, Восточную Меотиду, Нижний Дон, непосредственно соседствуя с Боспором. Есть мнение, что его основу составили сирако-меотские земли, а согласно другой точке

¹² Сапрыкин 2009, 333; Сапрыкин, Ермолин 2010, 81.

зрения, это были земли аорсов¹³. После ослабления сираков в результате боспоримской войны 45–49 гг. н.э. именно сираки и союзные им оседлые меоты попали в зависимость от новых пришельцев – сармато-аланов, а большая часть аорсов передвинулась на запад, в Нижнее Поднепровье и в междуречье Днепра и Дона. Вместе с ними в западном направлении двинулась и волна новых мигрантов из-за Волги, которых называли аланами. А.В. Симоненко связывает с ними ряд погребений знати в таврических степях, несколько таких памятников появляется и в Северо-Западном Причерноморье¹⁴.

В этом регионе возникло политическое образование сарматов под названием Аорсия, царей которой греки и римляне называли «величайшими»¹⁵. Так или иначе, но изменение этнополитической карты Северного Причерноморья в середине – второй половине I в. н.э. связано с появлением в северочерноморском регионе новой волны сарматских племен – аланов. Миграции отдельных аланских племен под руководством вождей или «царей аланов», как их именует автор пантикапейского энкомия, не могли не затронуть Боспорское царство, по соседству с которым находилась область расселения аланов на Северном Кавказе. У Лукиана в диалоге «Токсарид», где были использованы различные источники по боспорской истории, в том числе и середины–второй половины II в. н.э.¹⁶, довольно подробно говорится об аланах и Алании. Там, в частности, упоминаются аланские цари-соправители, братья царицы Мاستиры, которая вышла замуж за боспорского царя. Согласно этому источнику, аланские цари, братья Мاستиры, озабоченные внутривнутриполитическим положением на Боспоре, пытались вмешиваться во внутривнутридинастические распри боспорских правителей, очевидно, после смерти царя Риметалка (Luc. Tox. 51. 30–40). Эти свидетельства показывают, что со второй половины I в. н.э., но особенно во II в. н.э., аланы установили отношения с Боспорским царством, причем их вожди-цари преследовали при этом собственные интересы. Боспор же пристально следил за передвижениями аланских кочевников¹⁷. Так что нет никаких оснований отвергать возможность вторжения аланов и, очевидно, зависимых от них племен Прикубанья на территорию Боспорского государства в конце I в. н.э.

Сткк. 14/15: καὶ τὸν νῦν δεσπότην βασιλέα μ[έγαν Σαυρομάτην συναράμε]νος καταλλῶν μεῖζονα, διὰ τῆς Ταυρικ[ῆς ἐστρατεύσατο ἐπὶ Σκύθας] – «и, (оказав содействие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя, (совершил военный поход на скифов) через Таврику». Трактовку и перевод этой фразы Сапрыкиным уважаемые оппоненты поняли неверно. Они пишут: «...συναίρομαι в медиальном залоге не может иметь прямое дополнение в винительном падеже в виде лица, которому оказана помощь, это требует исключительно дательного падежа. Более того, трудно понять, что означает “покинув более великого государя”, хотя Сапрыкин понимает так, будто чувствуемый служил при штабе Домициана, но теперь вернулся к своему прежнему месту службы к боспорскому царю. Это представляется невозможным эллиптически» (с. 123).

¹³ Ждановский, Марченко 1988, 53–56; Туаллагов 2002, 33.

¹⁴ Симоненко 1993, 112.

¹⁵ Виноградов 1994, 167; Сидоренко 1996, 37.

¹⁶ Сапрыкин 2011, 324–330.

¹⁷ Берлизов 1990, 14; Яценко 1992, 48; 1993, 86; Габуев 1999, 17–19. С появлением аланов можно связать продвижение в середине I в. н.э. различных группировок сарматских племен на запад (Щукин 1994, 208–211), в частности, появление там аорсов с Северного Кавказа.

В связи с этим возникает вопрос – почему? Выражение «покинув цезаря» – обычный деепричастный оборот, который не подразумевает никакой службы чествуемого при штабе римского кесаря, а всего лишь показывает, что он, ранее вызванный к нему письмом царя, просто отбыл из его ставки и по приказу этого «более великого государя» (естественно в сравнении с боспорским царем, его вассалом, римский цезарь воспринимался как более великий) отправился с войском против таврических скифов. В надписи в соответствии с азианическим стилем восхваляются все правители – и римский император, и боспорский царь, и сам чествуемый. Глагол συναίρω в значении «оказывать помощь, содействовать, помогать» в медиальном залоге действительно требует дательного падежа, поэтому здесь, по-видимому, стояло *participium medii* от другого глагола, например, συναλλάσσω – «примирять кого-либо с кем-либо». Тогда получается более логическая последовательность событий: чествуемый, примирив с аланами (или с царями аланов) при содействии императора «нынешнего владыку Великого царя Савромата, покинув более великого государя (т.е. римского императора, к которому он прибыл ранее по его просьбе), совершил военный поход на скифов через Таврику».

Сткк. 16–18: *τυνχάνοντι δ' αὐτῷ κατὰ τὴν Χερρόνησο[ν συνήντησαν? βασιλεῖς οἱ] / ἐπὶ τὴν Ἀλανῶν συναμαχίαν ἤκοντες, οἷς αὐτὸς ἀπὸ τοιούτων ἐλίπιδων ὑπέστρεψεν* – «когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил». Г. Бауэрсок и К. Джоунс по этому поводу пишут следующее: «...нет оснований думать, что цари сами прибыли к чествуемому, не является очевидным и смысл предлога ἐπὶ. Это не то же самое, что εἰς. Он должен предположительно означать “с целью” (for the purpose of), т.е. союз с аланами. Но если учесть, что у аланов было несколько вождей (βασιλεῖς), ссылка могла относиться к союзу аланских племен друг с другом. Более того, восстановление стк. 17 не совсем подходит: αὐτὸς не имеет видимых функций, и ὑπέστρεψεν не может означать “отвратить кого-либо от чего-либо”, в прозе во все периоды ὑποστρέφω являлся непереходным глаголом и означал “возвращать”, “поворачивать назад”. Омикрон перед лакуной может быть ὁ [δὲ], впрочем, как и οἷς..., и ΔΩΝ может быть последним слогом причастного аориста вроде [ὑπερ]ιδών» (с. 123).

Перевод фразы не означает, что цари сами пришли к чествуемому, из него следует, что они «попались ему навстречу», когда чествуемый двигался к Херсонесу. Предлог ἐπὶ, который имеет значение «для», разве не соответствует «for the purpose of»? Глагол ὑποστρέφω – «направлять» среди прочих значений может переводиться и как «менять мнение», «отказываться» (LSJ, s.v.; ср. Xen. Anab. II. 1.18 – Φαλίνοσ δὲ ὑποστρέψας παρὰ τὴν δόξαν αὐτοῦ: «Фалин, отказавшись от такого решения...»). Хотя его значение «возвращать(ся)», «поворачивать(ся)», «вернуть назад» в данном случае также подходит, понимание фразы как ὁ [δὲ αὐτὸς... παρὰ τὴν δόξαν? ὑπερ]ιδών ὑπέστρεψεν, т.е. «он (сам... от этого намерения?) презрев его, отказался», более соответствует ситуации, изложенной в энкомии. Упрек в том, что местоимение αὐτὸς не имеет «видимых функций», при таком понимании текста теряет смысл, ибо его следует воспринимать в значении «сам», «лично», что и предлагалось ранее. Союз аланских царей или вождей друг с другом, на что указывают оппоненты, в этом контексте вряд ли уместен. Дело происходило где-то в районе Херсонеса Таврического, поэтому союза с аланами могли искать и греки, и тавро-скифы, и другие сарматские правители, например аорсы. К тому же

слово «цари» здесь дополнено и не может считаться достоверным. Но такой союз, по-видимому, был невыгоден Боспорскому царству.

Не выдерживает критики аргумент оппонентов, будто в сткк. 24/25 «οἱμαи понимается Сапрыкиным, очевидно, как инфинитив» (с. 123). В оригинале перевода данной строки энкомия стоит отчетливое «думаю». Невозможно также принять их поправку в стк. 46 [Λε]λογισμένως вместо λογισμένος – на камне отчетливо читается *омикрон*, а не *омега*, которую резчик выписывал совершенно иначе.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс не могли не пройти мимо упоминания в надписи племени псеханов. Их не устраивает предложенное в первой публикации понимание сткк. 27–29 [...]νον αὐτῷ προθεῖς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς. Они считают, что «...не все дополнения в сткк. 27 и 28 убедительны: особенно NON в начале строки 29 должно представлять существительное, управляемое προθεῖς. Объединяя вместе προθεῖς и μελέτην, Сапрыкин интерпретирует строку как “определив ему заботу по отношению к псеханам”. Это определено невозможно, поскольку μελέτη означает “практику”, “упражнение”, “обучение”, а не “заботу”, “озабоченность”, и ἐπὶ с винительным падежом должно означать “против”, “по отношению” (towards); более того, позиция αὐτῷ предполагает, что μελέτην уместно только с последующим дополнением слов, например, μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς [ἐποίησατο], что вкладывает в μελέτη здесь его военный смысл... Подразумеваемый смысл здесь безусловно в том, что псеханы – народ, против которого либо чествуемый, либо сам царь, или они оба, предприняли военную кампанию» (с. 123,124). Далее они ссылаются на фрагментированную боспорскую надпись CIRB 1048, где говорится о заслугах некоего сына Диофанта из Пантикапея, которую связывают с военным походом Савромата I против псеханов, так как в ней в неопределенном контексте упомянуты эти самые псеханы. Не приводя никаких доказательств, американские ученые возражают против отождествления псеханов с псессами боспорских надписей времени Спартокидов и Аспурга¹⁸.

Можно согласиться с тем, что в данном месте надписи перфект ὑφῆγηται вряд ли возможен, так как все другие глаголы во фразе стоят в аористе. К тому же ко времени составления надписи чествуемый был уже мертв, а перфект предполагает продолжение действия и в настоящее время; αὐτῷ, скорее всего, действительно относится к предыдущему слову с окончанием ...]νον, а не к προθεῖς. Данная фраза была, по-видимому, построена несколько иначе, чем то, что предложил Ю.Г. Виноградов, и выглядела как ...μό]/νον αὐτῷ, προθεῖς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς [ποιεῖσθαι?]: «и не только... и воспитал, но и... только ему, определив, чтобы была осуществлена забота по отношению к псеханам». ’Ελί + асс. вполне соответствует «по отношению к» (towards), но весь смысл предложения упирается в значение μελέτην. Мы понимаем это слово в данном контексте как «заботу», «озабоченность», а не как «заботу о». Это означает, что чествуемый как человек, хорошо знавший состояние дел на азиатском Боспоре, внушил царю, которого учил достойным делам, озаботиться или заняться делами племени псеханов или областью их расселения. Вполне возможно, что эта забота была связана с практическими делами и выражалась в подготовке каких-то мероприятий, не обязательно обусловленных ведением военных действий против самих псеханов. Ведь первое значение μελέτη – «забота»,

¹⁸ В этой связи считаем уместным напомнить уважаемым коллегам, что боспорский царь Аспург правил не с 16/17 по 30/31 г. н.э., как указывается в их статье, а значительно дольше – с 8 г. до н.э. по 13 г. н.э. как архонт и с 13/14 г. по 37 г. н.э. как царь всего Боспора (Сапрыкин 2002, 207 сл.).

«внимание». К тому же весь смысл энкомия сводится к тому, что чествуемый боспорский вельможа весьма дружелюбно и миролюбиво относился к варварскому окружению азиатского Боспора и местное население отвечало ему тем же.

Область расселения псеханов, как известно по надписям и Певтингеровой таблице, соответствует территории, которую ранее занимали псессы, о чем можно судить по данным эпиграфики и античной географической традиции¹⁹. За четыреста лет, которые разделяют упоминания о псесах и псеханах, обитавших в Восточной Меотиде, в этом регионе произошли серьезные изменения, вызванные приходом сарматов – аорсов и сираков, созданием сирако-меотского союза, боспороримской войной в середине I в. н.э. и появлением аланов, вытеснивших аорсов и потеснивших сирако-меотов. Так что изменение раннего этнического названия псессов на более поздний этноним «псеханы» могло быть вызвано ассимиляцией этого племени новыми пришлыми этносами и сопровождалось их передвижением в регион, отграничиваемый Доном, Меотидой, Северным Прикаспием и Рипейскими горами, т.е. тем районом, где в позднеримскую эпоху помещает народ Psaccani достаточно поздний источник – Tabula Peutingeriana и где располагает patria Psatiron = «страну Псою» Диодора Равеннский Аноним²⁰. Не следует забывать, что, согласно энкомии, чествуемый боспорец хорошо знал истоки рек, очевидно, Кубани и Дона, и пользовался расположением к нему племен, обитавших в тех областях. Вкупе с упоминанием о псеханах, которые как раз и населяли эти земли и о которых он просил позаботиться боспорского царя Савромата, это дает основание предположить, что псеханы, соседствовавшие с аланами, полагались на помощь боспорской верхушки перед лицом угрозы со стороны этих племен. По-видимому, это было связано с тем, что ранее они входили в состав Боспорского государства под названием «псессы»²¹ и ввиду этого традиционно рассчитывали на содействие его царя. Поэтому возражения по поводу невозможности отождествлять псеханов и псессов недостаточно убедительны.

Вызывает возражения и трактовка Г. Бауэрсоком и К. Джоунсом одной из наград, которой был удостоен чествуемый. В сткк. 36/37 первоиздатель восстановил $\sigma\tau[\rho\alpha\tau\omega\upsilon\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\epsilon}\iota]/\alpha\ \chi\rho\upsilon\beta\epsilon\alpha$. Уважаемые оппоненты в этой связи замечают: «...это должно означать нечто вроде “воинские золотые награды за доблесть”, но это кажется очень натянутым. Сапрыкин предложил $\sigma\tau[\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi\omicron\rho\acute{\iota}]/\alpha\ \chi\rho\upsilon\beta\epsilon\alpha$, понимая это как “право ношения золотого венка”... Но прилагательное “золотой” требует конкретного объекта, а не абстрактного права. Мы предварительно предлагаем $\sigma\tau[\rho\epsilon\lambda\tau\acute{\omicron}\nu]$ или $\sigma\tau[\rho\epsilon\lambda\tau\acute{\alpha}]$, за которым следовало другое существительное во множественном числе среднего рода, возможно, $\psi\acute{\epsilon}\lambda\lambda\alpha$ » (с. 125, 126). Ссылаясь далее на мнение Х. Хайнена, указавшего им на статую боспорского вельможи конца II – начала III в. н.э. Неокла, сына Геродора (точнее – Мойродора. – С.С., В.П.)²², на шее которого гривна с букранием, они полагают, что это был знак высокого социального положения либо военная награда. В качестве доказательства исследователи ссылаются на обычай варварских народов, в частности кельтов и степных племен, носить гривны, а также на манеру некоторых греков и римлян отмечать таким образом почетное положение в обществе и демонстрировать награду за воинские

¹⁹ Сапрыкин 2006, 213–215; ср. Яйленко 1990, 216–228; 2010, 310 сл.

²⁰ Подосинов 2002, 354.

²¹ С.Р. Тохтасьев полагает, что мы имеем право рассматривать этнический термин «псессы» как словообразовательный вариант «псеханы» и отождествлять оба народа (Тохтасьев 2010, 369–371; ср. Яйленко 1990, 225).

²² Сапрыкин 1986, 65, 71.

доблести. Важным аргументом при этом служат для них ольвийские надписи, согласно которым местные стратеги посвящают золотой торквес – στρεπτόν χρύσειον (IOSPE P. 80, 85, 91, 94 = NO 81).

Мы не можем согласиться с тем, что «право ношения золотого венка» – это абстракция, а не конкретный объект в виде награды. Такое право давалось за заслуги и доблесть, но оно выражалось в конкретном действии – увенчании и ношении на голове почетного венка из золота: ср. NO 28 – ἐστεφάνωκεν αὐτόν, στε[φανῶσαι αὐτοῦς χρυσῶι στεφάνωι]; 43 – στεφ[ανῶι χρυσῶ στεφά]νω; особенно см. NO 80, 81: Ἦ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τοὺς καλῶς στρατηγήσαντας ἐτίμησεν χρυσῶ στεφάνω – «Совет и Народ почтил стратегов золотым венцом за прекрасное исполнение должности». Практически во всех почетных надписях упоминается данное властями почетное право носить не просто венок, а именно золотой венок как высшую награду. Вот почему абстрактным было бы просто данное чествуемому в энкомии военачальнику право ношения венка, а специальное указание, что это было право носить «золотой» венок, как раз и отличалось конкретикой.

Если заполнить лакуну словом στ[ρεπτόν] *vel* στ[ρεπτά ψέλι]/α χρύσεια, т.е. букв. «золотые ожерелья – браслеты»²³, то, согласно такому восстановлению, чествуемый, кроме torquis (гривна), был награжден еще и браслетами (*armillae*). Во второй половине I в. н.э. римская система военных наград состояла из десяти различных основных знаков отличия, которые давались в зависимости от ранга и чина награждаемого. Рядовые военнослужащие получали только торквесы, браслеты, фалеры, гражданские венки, причем последние могли получать также и офицеры, не имевшие право носить гривны и браслеты в качестве наград, ибо взамен их им давались *vexilla* и *hastae*²⁴. Боспорская армия со времени Митридата Евпатора строилась по римскому образцу, по римскому порядку осуществлялось и награждение рядового и офицерского состава. Сказанное подтверждается изображениями военных на памятниках из городов Северного Причерноморья. На пантикапейском надгробном рельефе II–I вв. до н.э. в паре с супругой изображен военачальник в панцире и хитоне, подпоясанный двуполосным поясом с большой пряжкой, на плечах его плащ-гиматий. По сторонам от него *vexilla* и *hastae*, а на запястьях и предплечьях браслеты, – очевидно, его воинские награды. Голову умершего увенчивает венком, вероятно, богиня победы Ника, поскольку при жизни он был удостоен награждения венком за выдающиеся военные успехи. Статуя первых веков нашей эры из Тиры представляет явно не рядового военнослужащего в узорчатом панцире с рельефами, подпоясанного поясом с зооморфными мотивами, обутого в кожаные сапоги и держащего у левой ноги островерхий шлем. У него нет никакой гривны, нет и браслетов на руках, хотя само появление такой статуи означало, что военный заслужил ее постановку своими победами или высоким чином²⁵. Эти памятники показывают эволюцию военных наград с эпохи позднего эллинизма до римского времени в соответствии с практикой награждения в римской армии и построенных по ее образцу воинских формированиях зависимых от Империи государств.

Чествуемый в энкомии деятель занимал исключительно командные должности, поэтому его награды соответствовали рангу высшего офицера. Награждение браслетами и гривной вряд ли соответствовало тогдашней практике поощрений во-

²³ Bowersock, Jones 2006, 125 f.

²⁴ Maxfield 1981, 213; Махлаюк 2006, 329.

²⁵ Соколов 1973, № 89, 173.

еннослужащих на командных должностях. Напротив, увенчание золотым венком вполне вписывалось в практику вручения наград офицерам.

Что касается горгиппийца Неокла, то не известно, получил ли он свой торквес в качестве военной награды или это был его родовой знак, предназначенный доказать его высокий социальный статус в боспорском обществе. Это мог быть и простой талисман, служивший его апотропеем-оберегом. Все, что мы знаем об этом деятеле, не предполагает возможности награждения его за воинскую доблесть: Неокл являлся «наместником Горгиппии» и синагогом в фиасе. Его сын Мойродор также был «наместником Горгиппии» и синагогом в фиасе навклеров в правление царя Савромата II (CIRB 1119, 1129, 1134)²⁶. Поскольку гривна на шее этого боспорца вполне могла являться родовым знаком в семье Неокла и передаваться по наследству от отца к сыну, то приводить его статую как пример награждения торквесом за военные заслуги в высшей степени рискованно.

И, наконец, несколько слов об ольвийских надписях, которые якобы подтверждают возможность награждения почитаемого в энкомии боспорского деятеля золотой витой гривной. Все перечисленные уважаемыми оппонентами надписи (IOSPE I². 80, 85, 91, 94 = HO 81) свидетельствуют о посвящении коллегией стратегов римской Ольвии золотой гривны Аполлону Простату, верховному божеству полиса, его покровителю и защитнику, за благосостояние города, за мир и за их, стратегов, здоровье и мужество. Помимо гривны, ольвийские стратеги посвящали этому богу – покровителю их коллегии – золотые венки и статуэтку золотой Ники на серебряной подставке (HO 79, 80, 83). Следовательно золотое ожерелье, поднесенное в дар богу, было не военной наградой, а простым посвящением, сделанным по завершении исполнения должности. К тому же, как следует из надписей HO 80 и 81 о посвящении богу золотого венка и золотого ожерелья, стратеги были награждены за службу золотым венком, а не гривной. Можно ли на основании этих свидетельств и статуи Неокла точно датировать «керченский камень»? Нельзя не заметить: *this seems very strained*.

Все перечисленное – аргументы, связанные с прочтением надписи, которые лишь косвенно говорят в пользу истинной датировки энкомия. Если встать на позиции уважаемых коллег, то, действительно, Домициан – не единственный император, посмертно «удостоенный» *damnatio memoriae*: та же участь постигла и Коммода 31 декабря 192 г. н.э. (SHA. *Comm. Ant.* 17. 6; 19. 1; 20. 4–5; *Aur. Vict. De Caes.* 17.10; *Eutrop.* VIII.15)²⁷. Однако в начале 195 г. н.э. это *Senatusconsultum* было отменено Септимием Севером и Коммод был обожествлен²⁸. На этом основании Бауэрсок и Джоунс предлагают датировать энкомий из Пантикапея 194 или 195 годом н.э., т.е. годами *damnatio memoriae* Коммода. На первый взгляд их аргументация (с. 127) весьма убедительна: 1) до конца II в. н.э. воинское звание «хилиарх», которое носил покойный, не засвидетельствовано ни разу, тогда как после этого хронологического рубежа оно в боспорской эпиграфике появляется пять раз (CIRB 36A, 53, 58, 984, 1049); 2) аланы, с которыми имел дело чествуемый, упомянуты только в одной боспорской надписи начала III в. н.э. (208 г. н.э. – CIRB 1053); 3) термин *δεσπότης*, фигурирующий в стк. 14 энкомия, до Савромата II не

²⁶ Сапрыкин 1986, 62–72; Смирнова 2001, 350–363.

²⁷ Rohden 1896, 2479.

²⁸ П. фон Роден (1896, 2479) датировал обожествление Коммода 197 г. н.э. Денарий в честь *consecratio* Коммода Г. Мэтингли и Э. Сайденхэм датируют 195–196 гг. н.э. (1936, 99 № 72^A; ср. Cohen 1883, 234 f., № 61–62).

использовал ни один боспорский царь, тогда как в CIRB 1049 именно Савромат II носит титул «великий царь» и δεσπότης²⁹.

Нетрудно заметить, что эти три довода в пользу более поздней датировки надписи – *argumenta e silentio*, которые, если учесть фрагментарное состояние «каменного архива» Боспора, решающим доказательством служить не могут. К примеру, должность хилиарха имеет достаточно почтенную родословную, восходящую еще к Ахеменидам³⁰, поэтому непонятно, почему ее учреждение в Боспорском царстве следует относить к столь позднему времени. Термин δεσπότης в боспорской эпиграфике встречается еще в эпоху императора Адриана, правда, по отношению к самому римскому цезарю (CIRB 48). Наши оппоненты почему-то обошли вниманием тот факт, что сохранившаяся на камне титулатура с упоминанием мифических предков боспорского царя – ...τὸν ἄφ’ Ἡρακλέους/ καὶ Ποσειδῶνος γένόμενον – могла относиться исключительно к Савромату I. Савромат II не упоминал своих мифических предков, а его сын и преемник Рескупорид II указывал, что он «происходит от Геракла и Эвмолпа, сына Посейдона» (CIRB 53). Напротив, отец Савромата I, царь Рескупорид I, отмечал свое родство как «потомок Эвмолпа, сына Посейдона, и Геракла» (надпись очень фрагментирована, более вероятен вариант: «происходящего от Посейдона и Геракла» (CIRB 980), а сам Савромат I величался «происходящим от Посейдона и Геракла» (CIRB 1048). Очевидно, что более ранний вариант титулатуры предусматривал указание на происхождение от Посейдона и Геракла (или от Геракла и Посейдона), а более поздний, датируемый концом II – началом III в. н.э., требовал упоминания Эвмолпа, сына Посейдона.

Обращает на себя внимание и то, что в энкомии упоминаются два взаимодополняющих друг друга термина – δεσπότης и κύριος. Последний встречается в боспорских надписях по отношению к императору Веспасиану (CIRB 1047) и в 179 г. н.э. в сочетании κύριος βασιλεὺς (CIRB 1000). Но нигде, кроме как в пантикапейском энкомии, κύριος не употребляется применительно к конкретному боспорскому царю.

В качестве возможного основания для передатировки энкомии концом II в. н.э. Г. Бауэрсок и К. Джоунс приводят надпись 193 г. н.э. из Танаиса, в которой говорится о войне Савромата II с сираками и скифами и о подчинении Таврики по договору (CIRB 1237). Однако она не может служить доказательством связи этих событий с теми, о которых рассказывается в энкомии, так как в ней не упоминаются аланы. Американские ученые полагают, что разубра в стк. 8 горгиппийской строительной надписи CIRB 1122 могла содержать имя римского императора как попечителя восстановления стен Горгиппии, стертое впоследствии по причине *damnatio*. Таким императором, по их мнению, мог быть либо Домициан (надпись сохранила имя царя Тиберия Юлия Савромата) либо Коммод. Однако еще издатели этого документа убедительно доказали, что он относится ко времени Савромата I (см. *Comm. ad CIRB 1122*. P. 655, 656). Но самое главное – в разубре надписи не могло стоять имя римского цезаря по той причине, что строительные работы велись при попечении местных властей, имя одного из представителей которых сохранилось на камне в предшествующей стк. 7, – это был Поф, сын (Фарнакиона?). Если бы в стк. 8 стояло имя римского императора, то оно вряд ли было бы проставлено после имени местного попечителя, а непременно фигурировало бы

²⁹ Ср. новую фанагорийскую надпись с такими же эпитетами Савромата II (Кузнецов 2006, 166–168).

³⁰ Brandis 1899, 2275.

перед именем боспорского царя. В этой строчке, согласно практике постановки строительных надписей, должны были стоять имена остальных попечителей из местной аристократии (ср. CIRB 1241, 1243, 1245). Так что данный аргумент не может служить доказательством для передатировки энкомия временем правления Савромата II.

Не особенно весомым выглядит и второй тезис – аланы. Авторы статьи в ZPE стараются подкрепить его ссылкой на то, что Коммод, возможно, имел дело с аланами. Оказывается, речь идет о том, что в византийской эпитоме Диона Кассия сообщается о договоре между Коммодом и «другими» (οἱ ἄλλοι). Вместо οἱ ἄλλοι наши западные коллеги, со ссылкой на конъектуру Беккера, предлагают читать οἱ ἼΑλανοί. Насколько солиден такой аргумент, судить читателю. Для большей объективности остановимся на этом сюжете подробнее.

В данном пассаже речь идет о том, что Коммод, завершая дунайские войны своего отца Марка Аврелия, заключил мир, наряду с прочими племенами, и с племенем буров (Buri или Buriī античных авторов³¹): «Когда буры прислали послов, Коммод заключил с ними мир» (Ὅτι τοῖς Βούροις ὁ Κόμμοδος εἰρήνην ἔδωκε πρεσβεύσασι – Dio Cass. LXXII. 3. 1). Далее, после изложения предыстории этого мирного договора у Диона Кассия имеется принципиально важная для нас информация: τότε δέ, ἐπειδὴ ἔξετρυχώθησαν, συνελλάγη σφίσιν ὁμήρους λαβῶν καὶ αἰχμαλώτους παρὰ τῶν Βούρων πολλοὺς καὶ παρὰ τῶν ἄλλων μυρίους καὶ πεντακισχιλίους κομισάμενος καὶ ἀναγκάσας τοὺς ἄλλους ὁμοσαι ὥστε μὴτ' ἐνοικήσειν ποτε μὴτ' ἐννεμεῖν τεσσαράκοντα στάδια τῆς χώρας σφῶν τῆς πρὸς τῇ Δακίᾳ οὐσῆς – «Но потом, когда они оказались в достаточной степени измотаны, он примирился с ними, взяв заложников и получив назад множество пленных от буров и пятнадцать тысяч от остальных, и заставил остальных дать клятву в том, что они не будут селиться и пастись скот где-либо в пределах полосы шириной сорок стадиев вдоль границы с Дакией» (Dio Cass. LXXIII. 3. 2) (курсив наш. – С.С., В.П.).

Э. Кэри, издатель Диона Кассия в серии Loeb Classical Library, оговаривается, что текст в этом месте «возможно, испорчен», поэтому Беккер предлагает вместо ἄλλων и ἄλλους читать ἼΑλανῶν и ἼΑλανούς³². Однако никакой информации о контактах Рима с аланами при Коммодe (в отличие, кстати, от времени Флавиев) в других источниках нет³³, так что конъектура Беккера представляется неоправданной. Под «остальными» (οἱ ἄλλοι), очевидно, следует понимать группу более мелких племен, нежели тех варваров, которые являлись основными противниками римлян в этой войне. К тому же условие мирного договора, запрещавшее аланам появляться в приграничной с Дакией полосе, выглядит бессмысленным: сами же Бауэрсок и Джоунс полагают (со ссылкой на Tabula Peutingeriana и «Перипл Понта Эвксинского» Арриана), что эти племена в конце I в. н.э. кочевали к востоку от Азовского моря и контактов с Боспорским царством не имели³⁴ (хотя на самом деле, как показано выше, такие контакты имели место). К дунайским провинциям Рима, отстоящим от Восточной Меотиды на многие сотни стадиев, это должно относиться в значительно большей степени. С ними соседствовали другие сарматские племена, в основном аорсы и языги. Таким образом, в данном случае наши оппоненты противоречат сами себе.

³¹ Brandis 1897, 1067.

³² Cary 1955 (repr.), 74 f.

³³ См. Tomaschek 1894, 1282 f.; Danoff 1964, 229.

³⁴ Bowersock, Jones 2006, 122.

В свое время М.И. Ростовцев отметил, что во множестве надписей, прославляющих военные успехи боспорских царей I–II вв. н.э., никакие войны между аланами и Боспорским царством не упоминаются. Но далее он весьма уместно замечает: «Отсутствие каких-либо прямых свидетельств о войнах между Боспором и аланами, в конце концов, может быть случайностью»³⁵. Слова эти оказались пророческими, что и доказал энкомий из Пантикапея³⁶. Таким образом, все три аргумента в пользу альтернативной его интерпретации выглядят не столь уж беспорными.

Но можно ли в этом случае определить, кто скрывается за загадочным выражением «тогдашний Цезарь»? Как известно, при отсутствии в надписи точной даты, что наблюдается в большинстве случаев, надежной опорой является палеография. Видимо, не случайно Бауэрсок и Джоунс обходят этот вопрос, отмечая лишь необычную форму *psi* и указывая на «превосходный, четкий шрифт» надписи (с. 117). Один из авторов данной статьи, ссылаясь на работу А.И. Болтуновой и Т.Н. Книпович³⁷, убедительно доказывал, что по шрифту надпись относится к концу I – первой четверти II в. н.э.³⁸ Надо учесть, что сохранившиеся на плите примерно две трети первоначального текста – это далеко не вся надпись. Когда-то она являлась частью установленного на могиле триптиха, который, в свою очередь, был составной частью надгробного монумента – всего около 150 строк, как предполагает Х. Хайнен³⁹. Мастер, получивший столь масштабный заказ, должен был работать с тем шрифтом, к которому привык. О срочности заказа и спешности исполнения свидетельствуют заметные в тексте исправления. Таким образом, шрифт *laudatio funebris* показывает, что надпись относится ко времени Савромата I и вряд ли позже.

Персонаж, которому посвящена надпись, получил письменное предписание ($\delta\iota'$ ἐπιστολῆς) императора прибыть к нему для личного доклада о крупных военно-политических событиях на рубежах Боспорского царства. Создается впечатление, что сложившаяся тогда стратегическая ситуация серьезно задевала интересы не только Боспора, но и Рима, правитель которого хотел получить информацию из первых рук. Не известно, куда должен был направиться боспорский вельможа, но едва ли это был Рим: царь Савромат, его воспитанник, был еще слишком молод, а военно-политическая обстановка на рубежах государства отличалась, как свидетельствует надпись, такой напряженностью, что длительное отсутствие регента на родине исключалось. В надписи не сохранилось указания на местопребывание императора, но, судя по контексту, он находился вне Рима. Единственная параллель, которую можно здесь привести, – это путешествие в Рим царя Аспурга, основателя боспорской династии Тибериев Юлиев, πρὸς τὸν Σεβαστὸν αὐτοκράτορα⁴⁰. Но в случае с Аспургом все ясно: ни Август в последние годы своего правления, ни Тиберий на всем протяжении своего принципата Италию не покидали. В энкомии же стоит причастие $[\delta\iota']\acute{\alpha}\gamma\omega\iota$, относящееся к императору, – это все, что осталось от информации об императорской ставке: «Тогдашний Цезарь, пребывая...». Более чем вероятно, что речь идет о походной ставке главнокомандующего, в противном случае его местопребывание едва ли подчеркивалось бы. Эта ставка, скорее всего,

³⁵ Rostovtzeff 1936, 95 f.

³⁶ Сапрыкин 2005, 52 сл.

³⁷ Болтунова, Книпович 1962, 3–31.

³⁸ Сапрыкин 2005, 47.

³⁹ Heinen 2006, 49; ср. Сапрыкин 2005, 46.

⁴⁰ Одна из недавних реконструкций текста: Хайнен 2000, 289 сл.

находилась на дунайском театре военных действий, где достаточно долго пребывали и Домициан, и позднее Коммод.

Кто же из двух этих кандидатов больше подходит на роль императора, столь внимательно следившего за развитием событий в глубине варварских степей? Единственная внешнеполитическая акция Коммода, о которой известно, – это поспешное, если верить источникам, заключение мира с квадами, маркоманнами и их союзниками после смерти Марка Аврелия (Dio Cass. LXXIII. 2. 1–4; 3. 1–3; Herodian. I. 6. 8–9; SHA. Comm. 3. 5). Затем молодой император поспешил в Рим и до конца своего правления Италию не покидал⁴¹.

При ближайшем рассмотрении вопрос о Коммоде оказывается не таким уж простым. У. Ример справедливо отметила, что «...Коммод, подобно Домициану, стал жертвой senatorской историографии»⁴². Дион Кассий (в изложении Ксифилина, см. Dio Cass. LXXIII. 2. 2) сообщает об обстоятельствах заключения мира с маркоманнами: καὶ ἐξερύσασθαι αὐτοὺς δυνάμενος ῥαδίως, μισόπονος δὲ δὴ ὄν καὶ πρὸς τὰς ἀστικὰς ῥαστώνας ἐπειγόμενος ἐσπέισατο αὐτοῖς... – «хотя (Коммод) мог легко их уничтожить, но, так как он ненавидел труд и спешил к городскому комфорту, то заключил с ними мирный договор...». В том же духе выдержано сообщение Геродиана (I. 6. 8). Еще более категоричен биограф Коммода в SHA. Comm. 3. 5: *Bellum etiam, quod pater paene confecerat, legibus hostium addictus remisit ac Romam reversus est* – «От войны, которую отец почти завершил, он отказался, приняв условия врагов, и вернулся в Рим». Однако следы истинного положения дел сохранились у поздних авторов. По словам Евтропия (VIII. 15), «Луций Антонин Коммод... успешно воевал против германцев (*contra Germanos feliciter... pugnavit*). В том же духе высказывается и Аврелий Виктор (*De Caes. 17. 2*). Эпитоматор Диона Кассия, при всем негативном отношении к Коммоду, не скрывает, что мир с маркоманнами он заключил на более жестких условиях, чем те, которые предлагал противнику Марк Аврелий (Dio Cass. LXXIII. 2. 2–4). Красноречив даже сам факт, что между *dies imperii* Коммода и его отбытием в Рим прошло около полугода и, следовательно, ни о каком поспешном отъезде 19-летнего императора «навстречу столичным удовольствиям» не может быть и речи⁴³. Таким образом, можно было бы предположить, что именно в период пребывания на дунайском театре военных действий он вызвал к себе боспорского вельможу. Но трудно вообразить, что Коммод проявил столь горячий интерес к событиям на далекой периферии античного мира и вызвал к себе для доклада отличившегося военачальника из далекого Боспора. В течение первых месяцев своего принципата у нового императора хватало более важных проблем.

Что же касается Домициана, то последний император династии Флавиев чуть ли не половину своего 15-летнего правления провел вне Рима, лично руководя военными кампаниями на Рейне и Дунае⁴⁴. На дунайском фронте ему пришлось иметь дело не только с даками и германцами, но и с сарматами, кочевавшими на огромном пространстве от Дуная до Волги. И сарматы, и родственные им аланы к тому времени не раз доказывали, что далекая, казалось бы, от римских рубежей опасность вдруг становилась грозной реальностью, и тогда, как на основании пе-

⁴¹ Halfmann 1986, 49; Potter David 2004, 87.

⁴² Riemer 2006, 131.

⁴³ Riemer 2006, 128.

⁴⁴ См., к примеру: Halfmann 1986, 182 f.; Strobel 1989, 16–118.

чального римского опыта свидетельствовал Тацит (Hist. I. 79. 1–4), никакой пехотный строй не мог устоять перед их конной лавиной.

Домициан, который в 83–92 годах н.э. почти постоянно находился там, где происходили военные действия, просто обязан был прогнозировать развитие стратегической обстановки, чтобы наиболее эффективно использовать военные ресурсы Империи, которые, как вдруг оказалось, не были неисчерпаемыми. В постоянно изменявшейся ситуации в варварском хинтерланде Боспорское царство, бывшее тогда, по выражению М.И. Ростовцева, «форпостом римского мира и римской военной мощи, выдвинутым в мир северного иранства, государством-буфером, государством-разведчиком»⁴⁵, должно было играть исключительно важную роль. В этой связи кочевники северокавказских степей и Подонья не могли не вызывать настороженности в Риме, так как вместе с крымскими скифами они были наиболее опасными врагами Боспорского царства, проводившего проримскую политику на дальнем северо-востоке⁴⁶. Обострение военной обстановки на дунайской границе Империи при Домициане потребовало от римлян поставить вопрос о выводе своих войск из Таврики и перенести центр тяжести в защите их интересов на боспорских владык. Поэтому вызов на доклад фактического правителя этого государства прекрасно вписывался в общий контекст политики Домициана на Дунае и свою роль в преодолении крупнейшего со времени Августа внешнеполитического кризиса полученная от него информация должна была сыграть.

Вывод из всего вышесказанного вполне однозначен: только Домициан мог быть Καῖσαρ ὁ τότε энкомия из Пантикапея, а сам энкомий датируется концом I в. н.э. и относится ко времени правления боспорского царя Савромата I.

Литература

- Берлизов Н.Е.* 1990: Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.
- Виноградов Ю.Г.* 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2, 151–170.
- Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* 2005: *Laudatio funebris* из Пантикапея // ВДИ. 2, 42–44.
- Габуев Т.А.* 1999: Ранняя история алан. Владикавказ.
- Горончаровский В.А.* 2010: К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // МНЕМОН. 9. СПб., 289–298.
- Ждановский А.М., Марченко И.И.* 1988: Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 42–56.
- Зубарь В.М.* 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.
- Зубарь В.М.* 2003: По поводу датировки надписи из Преслава с упоминанием Боспорской войны // БИ. 3, 198–203.
- Кузнецов В.Д.* 2006: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.
- Кузнецов В.Д.* 2007: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.
- Махлаюк А.В.* 2006: Солдаты Римской империи. Традиции воинской службы и воинская ментальность. СПб.
- Подосинов А.В.* 2002: Восточная Европа в римской картографической традиции. М.
- Ростовцев М.И.* 2003: Эллинизм и иранство на юге России. 2-е изд. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 1986: Из эпиграфики Горгииппии // ВДИ. 1, 62–75.
- Сапрыкин С.Ю.* 2002: Аспург, царь Боспора // ДБ. 5, 207–223.

⁴⁵ Ростовцев 2003, 116.

⁴⁶ Rostovtzeff 1936, 95.

- Сапрыкин С.Ю.* 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.
- Сапрыкин С.Ю.* 2006: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). М., 171–242.
- Сапрыкин С.Ю.* 2009: Савромат II и фиасы Боспора // ДБ.13, 328–347.
- Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А.* 2010: Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 3, 72–84.
- Сапрыкин С.Ю.*, 2011: Боспорские сюжеты в трактате Лукиана «Токсарид» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 324–330.
- Сарновски Т.* 2005: Боспорская война периода правления Септимия Севера в Риме и Савромата II на Боспоре. Проблема с нижнемезийской перспективой // Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie polonaise des sciences. Études et travaux. XX, 235–246.
- Сидоренко В.А.* 1996: Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // «Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии». V, 35–59.
- Симоненко А.В.* 1993: Сарматы Таврии. Киев.
- Смирнова Н.В.* 2001: Наместники Горгиипии // ДБ. 4, 350–363.
- Соколов Г.И.* 1973: Античное Причерноморье. Л.
- Тохтасьев С.Р.* 2010: Псессы и псаханы // Gaudeamus igitur. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.). М., 364–372.
- Туаллагов А.А.* 2002: Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. (основные проблемы этногенеза и этнополитической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ.
- Хайнен Х.* 2000: Два письма боспорского царя Аспурга (АЕ. 1994, 1538). Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 278–291.
- Щукин М.Б.* 1994: На рубеже эр. СПб.
- Яйленко В.П.* 1990: Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / Т.В. Блаватская (ред.). М., 216–228.
- Яйленко В.П.* 2010: Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.
- Яценко С.А.* 1992: Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 48–50.
- Яценко С.А.* 1993: Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 6, 83–88.
- Bowersock G.W., Jones C.P.* 2006: A New Inscription from Panticapaeum // ZPE. 156, 117–128.
- Brandis C.* 1897: Buri // RE. 5, 1067.
- Brandis C.* 1899: Chiliarchos // RE. 3, 2275–2277.
- Cary E.* 1955 (repr.): Dio's Roman History with an English translation by E. Cary. Vol. IX. L.–Camb. (Mass.).
- Cohen H.* 1883: Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. 2me éd. T. 3. P.–L.
- Danoff Chr.* 1964: Alani // KP. 1, 229.
- Heinen H.* 2006: Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz–Stuttgart.
- Halfmann H.* 1986: Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. Stuttgart.
- Mattingly H., Sydenham E.A.* 1936: The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. Part I. Pertinax to Geta. L.
- Maxfield V.A.* 1981: The Military Decorations of the Roman Army. L.
- Potter David S.* 2004: The Roman Empire at Bay. A.D. 180–395. L.–N.Y.
- Riemer U.* 2006: Die Römische Germanienpolitik. Von Caesar bis Commodus. Darmstadt.
- Rohden P., von.* 1896: Aurelius Commodus // RE. 2, 2476–2480.
- Rostovtzeff M.* 1936: The Sarmatae and Parthians // САИ. XI, 90–130.
- Strobel K.* 1989: Die Donaukriege Domitians. Bonn.
- Tischow A.* 2005: Ad laudationem funebrem in Panticapaeo repertam observationes quaedam // Hyperboreus. 11, 2, 275–279.
- Tomaschek W.T.* 1894: Alani // RE. 1, 1282 f.

ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ IN THE ENCOMIUM FROM PANTICAPAEUM: DOMITIAN OR COMMODUS?

*(On Dating and Interpretation of an Epigraphic Encomium of a Bosporan
Military Commander)*

S.Yu. Saprykin, V.N. Parfenov

The authors analyse and comment on the arguments used by G. Bowersock and C. Jones for dating and interpreting an encomium of a Bosporan military commander and statesman whose name has not been preserved. The encomium was found at the necropolis of Panticapaeum and dated to the late 1st century AD or to the first years of the reign of Sauromates I. The main argument for this was the expression used in the inscription: «the then emperor» (ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ). The authors of the first publication of the monument believed that the words refer to Domitian, who after his death received a *damnatio memoriae* and thus could not be mentioned by name. However, according to the version of the American scholars, the encomium should be dated to the reign of Sauromates II (173–210 AD) and the expression in question must refer to Commodus, who was also subjected to *damnatio memoriae* in 192 AD. They put forward some arguments confirming this conclusion and refuting the arguments used by the authors of the first publication. The authors of the present paper critically review the commentaries made by the American colleagues and suggest a number of new variants of reconstruction. They come to the conclusion that there are no sufficient grounds for revising the date suggested earlier and that some obvious facts (paleography of the document, the political situation at the north-eastern borders of the Roman Empire, the terminology used in the text, etc.) speak strongly against the date of 194–195 AD.

© 2012 г.

А. Ю. Виноградов

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПАЛЕОГРАФИЕЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Статья посвящена неразработанной проблеме северопричерноморской эпиграфики – ранневизантийской палеографии региона. На основании всех известных памятников автор выделяет две региональные школы – херсонскую и боспорскую – и анализирует их эволюцию. Результаты анализа могут стать основанием для палеографической датировки новых надписей.

Ключевые слова: Эпиграфика, Херсонес, Боспор, поздняя античность, Византия, палеография.

Вопрос палеографии – один из самых сложных и малоизученных в византийской эпиграфике, особенно по сравнению с античной: лишь недавно стали появляться первые обобщающие работы, учитывающие, однако, лишь определенные регионы христианского мира¹. Еще хуже дело обстоит с Се-

Виноградов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ См. Morss 2003, 488–509. Уже много лет ожидается выход палеографического альбома по византийской эпиграфике под руководством Г. Велениса.